

ЗАЩИТИМ «МЕМОРИАЛ»!

В конце минувшего года выдающийся актёр и человек Олег Басилашвили, которого неоднократно называли «неофициальным голосом народа», назвал общество «Мемориал»* «разбуженной памятью», направленной на то, чтобы избежать страшных заблуждений и повторения преступлений прошлого, повлекших бесчисленные человеческие жертвы и страдания.

А через пару недель голос российской государственной власти в лице Верховного суда России и Московского городского суда постановил ликвидировать две структуры российского «Мемориала» (Международный и Правозащитный центр) на том основании, что они якобы оказывали негативное влияние на формирование общественного мнения в России и получали иностранное финансирование. В связи с этим на просторах интернета прозвучали несколько взаимосвязанных вопросов:

– Происходили или нет в СССР, в советской России преступления и заблуждения, повлекшие бесчисленные человеческие жертвы?

– Оказывал ли «Мемориал» негативное влияние на формирование общественного мнения в России?

– Чем объяснить такую вопиющую разницу в оценке деятельности «Мемориала» «народом» и «властью»?

Попытаемся на них ответить.

Имели место или нет соответствующие преступления – заблуждения?

В истории Советского Союза, правопреемником которого является Российская Федерация, имеется немало трагических глав. Сразу после создания Советского государства оно сурово приступило к наведению революционного порядка и диктатуры пролетариата: Красный террор 1918 – 1922 годов, политические репрессии двадцатых годов, сталинские репрессии (в том числе Большой террор 1937 – 1938 годов), массовая депортация народов и народностей (военные и послевоенные годы) ...

Эти факты неоднократно были подтверждены в СССР, в современной России. 25 февраля 1956-го года слова «массовые политические репрессии» были произнесены вслух и осуждены на самом высоком уровне – на закрытом заседании ЦК КПСС её первым секретарём Никитой Хрущёвым. Необъявленная реабилитация жертв этих репрессий началась ещё в 1953-м году через несколько месяцев после смерти Иосифа Сталина. Примерно через десять лет она была заморожена.

В ходе «перестройки», инициированной генеральным секретарём ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым в 1987-м году, был возобновлён процесс реабилитации. В 1989-м году отменены внесудебные решения «троек» и «особых совещаний», поддерживались инициативы по созданию и содержанию памятников жертвам репрессий. В 1990-м году были признаны незаконными репрессии середины 1920-1950-х годов, восстановлены права всех жертв политических репрессий. В 1991-м были отменены репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению.

После распада СССР подобные меры были по нарастающей продолжены Российской Федерацией. 18 октября 1991-го года принят и действует до настоящего времени закон «О реабилитации жертв политических репрессий», установлен День памяти жертв политических репрессий – 30 октября. В 1992 – 1996-м году были созданы комиссии по восстановле-

В ОБЪЯТИЯХ ЛЮБВИ

нию прав реабилитированных жертв политических репрессий... Можно ещё долго продолжать, перечисляя принятые в то время подобные многочисленным правовые нормативные акты и законы.

В августе 2015-го года Правительством РФ утверждена «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», в марте 2016-го года принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечением памяти жертв политических репрессий».

Предельно чёткое отношение к политическим репрессиям в СССР было высказано президентом РФ Владимиром Путиным на открытии мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» на проспекте Академика Сахарова 30 октября 2017-го года: «Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества, жестоким ударом по нашему народу, его корням, культуре, самосознанию. Последствия мы ощущаем до сих пор. Наш долг – не допустить забвения. Сама память, чёткость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий служат мощным предостережением от их повторения».

Значит ли это, что работа по реабилитации жертв политических репрессий на сегодня благополучно завершена, что на соответствующих законах и постановлениях можно поставить резолюцию «Выполнено» и с лёгким сердцем отправить их в архивы? Увы, нет. Точное число репрессированных до сих пор остается неизвестным, процесс реабилитации не завершён. Память об этих трагических событиях стала замирать, давать сбои, приобретать нездоровый оттенок.

Оказывал ли «Мемориал» негативное влияние на формирование общественного мнения в России? Однозначно нет. Даже наоборот. Он продолжал и продолжает свою миссию: будит память, в соответствии с призывом президента сохраняет чёткость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий, предостерегает от их повторения.

Возникает вопрос: чем объяснить радикальное изменение властью оценки деятельности «Мемориала» в России в

последние годы?

...В 2003 году в преподавательской столовой Академии государственной службы я оказался за одним столом с двумя политиками, обсуждавшими итоги «эпохи Ельцина». Когда один из них, сурово осуждая экс-президента за непоследовательность в вопросах демократизации, третий раз использовал словосочетание «власть имела народ», собеседник преврал его примерно следующим монологом: «Ты уже в терминологии демонстрируешь свою необъективность. Синоним «имела», однозначно негативный – насилвала. Между тем, «отношения «народа» и «власти» подобны отношениям мужчины и женщины в индийском штате Мегхалая, где царит матриархат. В начале отношений она и он любят друг друга, доверяют друг другу. Она держит его на длинном поводке, позволяет маленькие шалости. Проходят годы, его пыл угасает, а любознательность к окружающей действительности возрастает. И чтобы не нарушать былой гармонии она держит его уже не на поводке, а... в своих объятиях! И с каждым годом, любя (я это подчеркиваю!) сжимает его в объятиях все сильнее и сильнее».

Тогда я слушал эти слова, и в моей памяти возникали Власть и Народ в начале «оттепели» – и ближе к финишу. Негативная реакция Власти на критику неблагодарного Народа на излёте «перестройки».

А сейчас те же аналогии появились после решения Высоких судебных инстанций по поводу «Мемориала».

Евгений САПИРО,
профессор, экс-министр РФ,
специально для «Вестника «Мемориала»
Фото из архива автора.

ОТ РЕДАКЦИИ

«Мемориал» ещё не ликвидирован: решения судов о ликвидации не вступили в законную силу. Рассмотрение апелляционных жалоб «Мемориала», по мнению его руководителей, начнётся в феврале.

* Организация внесена Минюстом РФ в реестр, предусмотренный п. 10 ст. 13.1 ФЗ «Об НКО». Международный Мемориал не согласен с этим решением, и оно оспаривается в суде.

В НОМЕРЕ

Роберт ЛАТЫПОВ:

... – Мы называемся отделением Международного Мемориала, но не являемся его структурным подразделением, мы – отдельное юридическое лицо, самостоятельная организация со своими проектами, счётами, что записано в нашем уставе. Нас с Международным Мемориалом объединяют миссия, задачи.

Из интервью руководителя Пермского «Мемориала»
Стр.2

Галина НИКИТЕНКО:

... – У моих земляков – репрессированных – есть мечта: поставить памятник посёлку, построенному на окраине Соликамска руками наших предков-спецпереселенцев. Это их трудом созданы нынешние комбинаты-гиганты. Но всё это можно будет осуществить, если только будет сохранён наш «Мемориал», который последовательно выполняет положенная «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», утверждённой правительством РФ в 2015-м году...

Из письма ветерана Пермского «Мемориала»
Стр.2

Анна ЗАВАРЬКИНА

(Турлаева):

– Я искренне благодарна «Мемориалу» за то, что в течение многих лет мы имели возможность приезжать на Двенадцатый километр, к месту массового захоронения репрессированных, где покоится и мой дед, Яков Михайлович Турлаев. Именно там не только ощущалась безысходность от содеянного и невозможность ничего изменить, но и появилась надежда на то, что наши близкие не зря прожили свои такие короткие жизни, и наше общество хоть и не быстро, но меняется в лучшую сторону.

Из письма внучки репрессированного
Стр.3

Елена ШКЛЯЕВА (Потапова):

...Так получилось, что наша семья была создана двумя обречёнными людьми, у которых были расстреляны отцы, а мамы тоже претерпели огромные лишения. Мама мамы, то есть бабушка Юлия, отсидела десять лет («Карлаг», лагерь «Алжир», «Долинка»). Папиной маме, бабушке Дуне, тоже пришлось ой как не просто. После ареста мужа она заболела, двое младших детей, в том числе и наш папа, жили до выздоровления бабушки Дуни в каком-то сарае, люди носили им пищу... Деды наши, Галанинский Пётр Фёдорович и Потапов Пётр Алексеевич, были расстреляны в 1938-м году. Бабушка Юлия (Юлия Константиновна Галанинская) была освобождена в 1947-м, но лишь спустя десять лет ей было позволено полноценно жить и работать в родном городе...

Из письма внучки репрессированного
Стр.3

Алевтина ЯКИМОВА:

– Мамина семья оказалась разбросана по всей стране, а сама она попала в Соликамск. Там они и познакомились с моим будущим отцом. Он работал бухгалтером; она обстиривала трудармейцев, потом трудилась поваром. По сути, люди находились там в заключении: жили в охраняемой зоне, их не выпускали за территорию...

Из интервью руководителя Дзержинского районного филиала Пермского «Мемориала»
Стр.4

«МЕМОРИАЛ» –
ДРУГ НАРОДА

САМАЯ НУЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Новый год, ёлки, каникулы... Эти слова всегда означали праздничное ожидание счастливых событий и перемен. Но не в конце ушедшего года. Нынешнее предновогодье было омрачено событием, для которого трудно найти подходящие слова. Невероятно! Возмутительно! Абсурд!

Именно такой была реакция пермских мемориальцев на требование российской прокуратуры ликвидировать Международный Мемориал*. После такого «новогоднего подарка» у людей стало вновь появляться недоверие к нынешней власти.

Для меня, как и для многих моих земляков из семей репрессированных «Мемориал» – самая нужная общественная организация, созданная самим народом и для народа. Организация не только разыскивает информацию о сгинувших родственниках, но и оказывает большую помощь реабилитированным в решении важных житейских проблем: лечение, жильё, помощь на дому, улучшение бытовых условий...

Продолжается увековечивание памяти жертв политических репрессий, которое гарантирует невозможность возврата к бесчеловечному режиму. Это и многолетняя Книга памяти, акции «Последний адрес» и «Возвращение имён», и установка памятных знаков на месте бывших спецпосёлков... И у моих земляков – репрессированных – есть мечта: поставить памятник посёлку, построенному на окраине Соликамска руками наших предков-спецпереселенцев. Это их трудом созданы нынешние комбинаты-гиганты... Но всё это можно будет осуществить, если только будет сохранён наш «Мемориал», который последовательно выполняет плодотворную государственную политику по увековечиванию памяти жертв политических репрессий», утверждённой правительством РФ в 2015-м году.

Мы, мемориальцы-ветераны очень надеемся, что власть прислушается к голосу своего народа.

**Галина Николаевна
НИКИТЕНКО**

ПОДРОБНОСТИ

Как решение о ликвидации Международного историко-просветительского общества «Мемориал»* отразится на деятельности всех такого рода обществ по стране, покажет ближайшее время. Но уже сейчас некоторые организации, занимающиеся сохранением памяти о жертвах политических репрессий, оказались под угрозой реального уничтожения. В частности, это грозит одному из самых больших подразделений «Мемориала» – Пермскому. Его многолетний руководитель, историк по образованию Роберт Латыпов рассказал «Новой газете» об угрозах, нависших над Пермским «Мемориалом».

– Роберт, почему именно ваше общество решение Верховного суда о ликвидации Международного Мемориала поставило в особенно тяжёлое положение?

– Согласно учредительным документам, мы – Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», у нас это даже в названии зафиксировано. В своё время для регистрации международной организации на территории России нужна была хотя бы одна российская структура. И это – мы. Зарубежные организации российские власти ликвидировать не могут, поскольку они вне юрисдикции России. Решение Верховного суда распространяется только на тех, кто официально зарегистрирован в России. А это мы и правление Международного Мемориала.

– Значит, как только будет отклонена апелляция, Пермский «Мемориал» тоже перестанет существовать?

– Здесь возникает юридический казус: мы называемся отделением Международного Мемориала, но не являемся его структурным подразделением, мы – отдельное юридическое лицо, самостоятельная организация со своими проектами, счетами, что записано в нашем уставе. Нас с Международным Мемориалом объединяют миссия, задачи.

– Так в чём же тогда для вас опасность?

– В том, что правоохранительные органы понимают подобный рода решения суда так, как им удобно. Нам могут сказать: наплевать, что вы – отдельное юридическое лицо.

– Пермский «Мемориал», насколько я знаю, одна из самых крупных организаций такого рода в России. Если вас уничтожат, сколько человек пострадают, как это в целом скажется на состоянии общества?

– Пострадают все, потому что Пермский край – ссыльный край. Только зарегистрированных членов у нас – около двух тысяч человек, в основном это потомки репрессированных. Мы много лет создаем карту ГУЛАГа в Прикамье, она есть на нашем сайте, на основе архивных источников отмечаем все места, связанные с репрессиями. На сегодня на этой карте отмечено 1750 объектов – и это только в Прикамье!

РОБЕРТ ЛАТЫПОВ,

ИСТОРИК, РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕРМСКОГО «МЕМОРИАЛА»:

«ВЛАСТИ САМИ НАПОЛНЯЮТ ПОРОХОМ БОЧКУ,
НА КОТОРОЙ СИДЯТ»

Но судя по тому массиву документов, которыми мы обладаем, это лишь две трети объектов, будут ещё. Почти 900 из них – спецпосёлки, куда отправляли раскулаченных, ссыльных, представителей депортированных народов... То есть через Пермский край прошла вся страна.

– Вашей семье это тоже коснулось?

– Да, раскулаченная семья моей бабушки была сослана сюда из Башкирии – у них на семью в 14 человек было две коровы, это сочли большой роскошью. Половина семьи умерла в первую же зиму, мою бабушку спасла какая-то русская женщина, которая забрала её к себе на год. Я родился в Березниках, меня всегда удивляло, откуда в нашем классе представители всех национальностей – литовцы, башкиры, татары, эстонцы, уроженцы Кавказа. В седьмом классе спросил об этом учителя истории, и он, не моргнув глазом, ответил, что в Березниках была ударная комсомольская стройка. Только уже на историческом факультете Пермского университета узнал, что это за «ударная стройка» – наш город был построен руками заключённых и ссыльных, которых отправляли в эти места в 20–30-е годы. В частности, руками заключённых Вишерлага, о котором писал Варлам Шаламов.

– Как члены пермского «Мемориала» отреагировали на решение Верховного суда?

– Сначала это были удивление и обида, а когда люди осознали, что ликвидация – реальна, началось возмущение. Я каждый день слышу по телефону и в личных разговорах – почему нас снова репрессировали? Почему забирают организацию, которую мы создали? Как сказал мне на днях один из наших ветеранов – нам что, снова готовить фанерные чемоданы?

– Чем реально занимаетесь ваш «Мемориал»?

– Нашей организации более тридцати лет, мы появились немного раньше, чем возник «Мемориал» в Москве, я руковожу обществом с 2010-го года. За это время мы помогли тысячам людей найти ин-

формацию о своих репрессированных родственниках, найти документы, места гибели. К нам ежедневно обращаются по несколько человек, которые просят найти сведения о родных. Очень часто люди просят прислать нам аудиозаписи интервью с бывшими репрессированными или их детьми, которые мы много лет записывали, составляли аудиоархив. Недавно отправил такую запись потомкам одной из жительниц посёлка Скальный Чусовского района, немки по национальности. Её туда депортировали, потом она попала в трудовую, работала в шахте. Нам написал её внук, мы отправили ему запись, через месяц получили письмо – он написал, что слушал эту запись всей семьёй, узнали такие подробности из личной жизни бабушки, которые она им никогда не рассказывала. «Мемориал» – не просто хранитель истории своего времени, страны, мы ещё и хранители семейной истории, семейной памяти, мы нередко сохраняем то, что сами эти люди не хотят рассказывать своим родственникам или боятся.

– Местные власти, на ваш взгляд, осознают эту ситуацию? Как чиновники отреагировали на решение о ликвидации?

– Открыто и резко еще в ноябре высказался только Павел Миков, пермский омбудсмен. Он прямо заявил, что это циничное, бесчеловечное действие.

– Выступление омбудсмена – «бунт на корабле»?

– Нет, уверен, он сказал то, о чём остальные думают. Кстати, его заявление передали практически все местные СМИ – газеты, радиостанции, интернет-порталы. Другие чиновники пока молчат, вряд ли кто-то из них открыто будет критиковать решения федералов. Но местные власти, которые пусть и не испытывают к нам большой любви, уважают нас и не один год демонстрируют готовность сотрудничать с нами на основе партнёрства. Мы же реализуем государственную политику по увековечиванию памяти жертв репрессий! Надеюсь, что властям важно

сохранить некоторое общественное равновесие, не обострять социальные конфликты. Зачем нужен ещё один, который коснётся почти двух тысяч человек, большая часть из которых – пожилые люди, опора политического режима? Зачем их будить, а вместе с ними и их родственников? Такого местным властям точно не нужно. Тем более что и среди пермских чиновников немало потомков репрессированных.

– Пермские власти как реагируют?

– Не часто смотрю соцсети, а сейчас обнаружил настоящий вал поддержки, даже от тех, кто раньше критически относился к нам и нашей деятельности... Все в полном недоумении и возмущении! Даже СМИ о нас заговорили, меня за последние полтора месяца уже несколько раз приглашали в часовые эфиры на местные радиостанции.

– Всех, конечно же, волнует вопрос о сохранении архива. У вас большой архив? Что с ним будет?

– Архив у нас огромный, и его сохранностью мы озаботились давно – большая часть уже оцифрована и находится в безопасности. Так что если кто-то захочет его, скажем обтекаемо, присвоить, ничего не получится. Мы давно уже поняли все риски жизни в нашей стране для таких организаций, как наша, и приняли меры к сохранению архивов. Что касается других активностей – библиотека у нас небольшая, её всегда можно перенести, сайт можно перерегистрировать, офис – не наша собственность, мы его арендуем. Если потребуются, всегда найдём другое место дислокации. Мы всё равно продолжим свою работу – сохранение памяти, и будем надеяться, что у властей хватит здравого смысла не наполнять пороховую бочку, на которой она сидит.

Наталья ШКУРЕНКО,
«Новая газета», 13.01.2022
Фото из архива Пермского «Мемориала»

* Организация внесена Минюстом РФ в реестр, предусмотренный п. 10 ст. 13.1 ФЗ «Об НКО». Международный Мемориал не согласен с этим решением, и оно оспаривается в суде.

«МЕМОРИАЛ» – ДРУГ НАРОДА

НЕЛЬЗЯ, ЧТОБЫ «МЕМОРИАЛ» ИСЧЕЗ!

«ДЕДА УБИЛИ ЕЩЁ РАЗ»

Я – внучка раскулаченного в 1934-ом, расстрелянного в 1938-ом и реабилитированного за отсутствием состава преступления в 1958-ом одного из миллионов наших соотечественников, прошедших адому мясорубку сталинских репрессий.

В конце девяностых я, прочитавшая немало уже опубликованной в то время художественной литературы о страшном периоде нашей истории и испытавшая немалый шок от того, что творилось в родной стране, держала в руках дело моего без вины виноватого деда. До той поры, он, пожалуй, был для меня, родившейся больше чем через два десятилетия после его гибели, лишь частью этой литературы и одной из не до конца понятных мне страниц семейной истории.

Несколько увесистых томов были выданы мне из архива тогдашнего КГБ под подписку о том, что я вправе только ознакомиться с материалами дела – заниматься какими-либо записями-выписками тогда ещё было категорически запрещено. Я читала многочисленные протоколы допросов, объяснения обвиняемых по делу и другие документы. Стоит ли говорить, что это была пресловутая ст.58.10, и волосы вставали дыбом от того, что всё это происходило в общем-то не так давно с человеком, знакомым мне только по фотографии и встретиться с которым по чьей-то злой воле мне не было суждено. Беллетристика на какое-то время слегка померкла для меня от того, что мне довелось узнать о судьбе собственного деда, который именно после этого стал для меня по-настоящему родным и близким человеком.

И был у нас «Мемориал», и вместе с ним была надежда на восстановление справедливости в отношении таких же обогнанных, уни-

Фото из архива Пермского «Мемориала»

женных и уничтоженных, лишённых жизни ни за что, не увидевших, как будут расти их дети и внуки. В течение десятилетий были многочисленные встречи, конференции, акции, на которые собирались умные, порядочные, неравнодушные люди – им не давало покоя стремление не только установить, но и сохранить историческую память о страшном прошлом страны, а также дать шанс следующим поколениям жить свободно, соблюдая права ближних и сохраняя свои (вспомним хотя бы «Возвращение имён», «Последний адрес», «Пилорамы» в Кучино и многое-многое другое).

Я искренне благодарна «Мемориалу» за то, что в течение многих лет мы имели возможность приезжать на Двенадцатый километр, к месту массового захоронения репрессированных, где покоится и мой дед, Яков Михайлович Турлаев. Именно там не только ощущалась безысходность от содеянного и невозможность ничего изменить, но и появлялась надежда на то, что наши близкие не зря прожили свои такие короткие жизни, и наше общество хоть и не быстро, но меняется в лучшую сторону.

Прошлое нельзя исправить, но можно пытаться влиять на будущее, чем скрупулезно и методично все эти годы занимался «Мемориал». С его уничтожением моего деда и миллионов таких же, как он, убили ещё раз...

Анна Евгеньевна ЗАВАРЫКИНА
(Турлаева)

...К своему большому сожалению, я принадлежу к категории тех людей, кто плохо помнит своё детство. Мне кажется, что все мои воспоминания о нём опираются на многочисленные фотографии, которые делал папа. Спасибо ему за это! Рассматривая эти фотографии, я понимаю, что бабушки, Юлии Константиновны Галанинской, мамы мамы, очень долгое время не было рядом с нами: так, чтобы постоянно, чтобы каждый день. Только одна фотография 1954-го года – я совсем кроха, год с небольшим – и всё. Наверное, я не спрашивала, где же бабушка. Такая данность!

Уже позже, когда родилась сестра Таня (1957 г.), бабушка стала чаще бывать с нами. Вопрос, где она была, почему её нет, скорее всего, возник, но каким-то образом родители умудрялись гасить этот «нездоровый» интерес. И уже совсем не возникал вопрос о том, а где же наши дедушки? Да, мы с сестрой принадлежим к тому многочис-

ленному слою советских людей, которые не знали своих бабушек и дедушек, кто-то в силу их гибели на фронтах войны, кто-то в силу их «растворения» в лагерях и тюрьмах. Дома мы практически не разговаривали о том, что тогда происходило с нашими близкими в те годы. Мы с сестрой интуитивно понимали, что это наши внутренние, домашние дела, что это не тема для разговора с другими людьми.

Ведь так получилось, что наша семья была создана двумя обездоленными людьми, у которых были расстреляны отцы, а мамы тоже претерпели огромные лишения. Мама мамы, то есть бабушка Юлия, отсидела десять лет («Карлаг», лагерь «Алжир», «Долинка»). Папиной маме, бабушке Дуне, тоже пришлось ой как не просто. После ареста мужа она заболела, двое младших детей, в том числе и наш папа, жили до выздоровления бабушки Дуни в каком-то сарае, люди носили им пищу... Позже папа поступил в ФЗУ, потом ушёл работать на завод. Деды наши, Галанинский Пётр Фёдорович и Потапов Пётр Алексеевич, были расстреляны в 1938-м году. Бабушка Юлия (Юлия Константиновна Галанинская) была освобождена в 1947-м, но лишь спустя десять лет ей было позволено полноценно жить и работать в родном городе. Обе бабушки тяжело перенесли то, что произошло с ними и дорогими им людьми, и в конечном итоге обе очень тяжело заболели.

Наверное, всё это так

и осталось бы внутренним делом семьи, только её болью, сопровождаемой полным незнанием того, что же случилось с близкими и любимыми людьми. Да, была их реабилитация, да, были сняты клеймо «жена изменника Родины» и клеймо «член семьи изменника Родины» – и всё! Но где могилы наших дедов, не было известно. И вот здесь мне хочется сказать огромное спасибо всем членам пермского и свердловского отделений общества «Мемориал» за то огромное внимание, которым они окружили наших родителей, за восстановление памяти, за возможность поклониться могиле хотя бы одного из отцов. То, что сделал для нашей семьи «Мемориал», невозможно переоценить. Люди, создавшие «Мемориал» и работающие в нём, вернули нашим родителям возможность открыто говорить о своих близких, рассказывать о них, ни от кого не таясь. На какое-то время исчез страх.

Я благодарна «Мемориалу» за то, что в мы имели возможность приезжать на Двенадцатый километр: туда, где обнаружено место массового захоронения расстрелянных людей, туда, где покоится отец моей мамы, Пётр Фёдорович Галанинский. Туда нужно ездить, чтобы понять масштаб произошедшего!

Нельзя, чтобы «Мемориал» исчез, для меня – это прямое уничтожение памяти. Нельзя забывать о том, что было, иначе этот ужас может повториться.

Елена Викторовна ШКЛЯЕВА
(Потапова)

ВЫСТАВКА

Обычно такие фразы вы слышите, когда говорят о показах в кинотеатрах очередного художественного фильма. В нашем же случае речь идёт о передвижной выставке, созданной авторским коллективом Пермского «Мемориала» и представляемой сейчас для знакомства с её экспонатами жителям региона.

Труднопроизносимое название выставки отражает один из трагических сюжетов отечественной истории XX века. Само слово «выкорчёвка» и его производные – устойчивый сленг первых десятилетий советской власти. Он вошёл в наш язык в период насильственной коллективизации 1929-1932 годов, сопровождавшейся кампанией «раскулачивания», которая уничтожила лучшие личные хозяйства и разрушила судьбы тысяч крестьянских семей.

Основу небольшой передвижной экспозиции составляют архивные документы из ранее засекреченных или малодоступных фондов органов партийно-государственного руководства в Прикамье, разных ведомств и организаций – это постановления, докладные записки, инструкции, прото-

«ВЫКОРЧЕВАННЫЕ» ВЫШЛИ В ПРОКАТ

Возле интерактивного стенда.

Фото: Дмитрий Окунцев

колы, письма крестьян, публикации в газетах. Но особую ценность и выразительность экспозиции придают материалы архива «устной истории» Общества «Мемориал» – видеointerview с выжившими жертвами массовых депортаций, записанные в ходе многолетних поисковых экспедиций.

Выставка уже почти год успешно экспонируется на севере Прикамья. Несколько тысяч жителей Чердыни, Рябинино, Соликамска, Березников смогли познакомиться с масштабами и механизмами массового политического террора начала 1930-х годов.

А в середине января мы открыли выставку в центральной библиотеке села Усолья. С этим учреждением мы сотрудничаем уже давно. Весной 2021-го года здесь успешно работала другая мемориальная выставка – «Папины письма».

Получилась важная для всех встреча. Для жителей села – это была возможность «выйти в свет». В условиях санитарных ограничений и вынужденной самоизоляции обычная коммуникация с близкими и знакомыми сошла на нет. Вот почему презентация «Выкорчеванных» стала событием, на которое пришли и ветераны труда, и активисты поискового движения, и просто рядовые читатели библиотеки.

Для нас, мемориальцев – это возможность продолжать свою просветительскую работу в тяжёлых условиях, когда государство фактически хочет закрыть наше общественное объединение. Это ещё один повод доказать себе востребованность у людей нашей работы по сохранению памяти.

Да, это был разговор на тяжёлую историческую тему. Несмотря на масштабность и драматичность, тема «раскулачивания», уничтожения кре-

стьянства на деревне как целого словесия и массовой ссылки остаются как бы за рамками современного общественного понимания. Возможно, это происходит из-за многолетних наслоений пропагандистских мифов, искусственно сложившихся предрассудков и стереотипов, склонности людей к простым оценкам прошлого. Но, скорее всего, глубинная причина – трудность осмысления таких «неприятных» тем, невозможность их разумного и рационального объяснения, нежелание получить новую психологическую травму от стыда за свою родину и соотечественников.

Но материалы нашей выставки, особенно видеовоспоминания бывших «раскулаченных» как раз меняют представления и отношение людей. Вот почему мы снова становимся свидетелями того, когда на вопрос «Чувствуете ли вы себя частью всей этой истории?» из четырёх предложенных ответов («да», «нет», «не знаю» и «не хочу отвечать») большинство зрителей отвечают «да»!

Роберт ЛАТЫПОВ,
руководитель авторского коллектива
выставки

СОБЕСЕДНИК

Эту обаятельную энергичную, общительную женщину нетрудно представить педагогом. Или организатором каких-нибудь мероприятий. Или профессиональным консультантом. Впрочем, на своей нынешней работе ей приходится и консультировать, и организовывать, и учить, и много чем ещё заниматься. Знакомьтесь: руководитель Дзержинского районного филиала Пермского «Мемориала» Алевтина ЯКИМОВА.

ПО НАСЛЕДСТВУ

– Алевтина Иоганесовна, как давно «Мемориал» появился в вашей жизни?

– В 2005-м году. Узнала про его существование в отделе соцзащиты, куда пришла со справкой о том, что я – дочь репрессированных. Там пояснили: «Когда исполнится 55 лет – получите удостоверение, дающее право на льготы. А пока можете познакомиться с работой районного филиала Пермского «Мемориала».

В Дзержинском районе, где я живу, его возглавляла тогда Нина Сергеевна Потеряева. Она сразу дала мне книжки, газеты с публикациями на эту тему. Рассказала, чем они занимаются. В то время я была молодой пенсионеркой (школу, в которой работала бухгалтером, ликвидировали), сидела с внуками. И приглашения на мемориальные мероприятия была очень рада. Вскоре меня приняли в эту организацию.

– А когда стали руководителем?

– В феврале 2018-го года Нина Сергеевна умерла. Уже зная, что болеет, она не раз говорила: «Меня не станет – Алевтина будет на моём месте». Я много помогала ей. Так что эта должность перешла ко мне, можно сказать, по наследству.

– Что за неполные четыре года оказалось для вас самым сложным?

– Сложного нет ничего. Я люблю собирать людей, что-то организовывать. Все ко мне тянутся. На разные события приходит по 35-40 человек. Но если бы зал вмещал больше, я бы и больше собирала. Накрываем столы, обсуждаем последние новости, общаемся. Всегда приглашаю к нам председателя городского Совета Ламару Ипполитовну Живак.

А раз в неделю, по четвергам, провожу районный Совет. Дзержинский район большой, поэтому в каждом микрорайоне у меня есть помощники – всего шесть человек. Делюсь с ними новой информацией, раздаю газеты, собираю заявки на путёвки

АЛЕВТИНА ЯКИМОВА: «МЫ ВСЕ ПЕРЕЖИВАЕМ ЗА НАШУ ОРГАНИЗАЦИЮ»

в госпиталь либо в дневной стационар и т.д. Кроме того, напоминаю, у кого из их подопечных репрессированных в ближайшее время день рождения.

– Всех поздравляете?

– Да, звоним по телефону. А если у человека «круглая» дата – приходим домой с подарками. Помню, поздравляли с 85-летием Шафигу Абдуллину (сейчас, к сожалению, её уже нет) – она так обрадовалась нашему приходу! Прочитали ей стихи, накинута на плечи красивый татарский платок. Сын Шафиги сварил пельмени. Мы ещё сладости с собой принесли. У неё глаза просто светились от счастья!

БОЛЬНАЯ ТЕМА

– В последние два года пандемия внесла коррективы в проведение массовых мероприятий. А до этого вы участвовали в митингах, посвящённых Дню памяти жертв политических репрессий?

– Конечно. И на акцию «Возвращение имён» в сад Декабристов ходила. Я даже зачитывала имена безвинно расстрелянных в годы Большого террора. Когда читаешь этот список, дату расстрела и возраст человека на момент гибели – мурашки по коже и ком в горле.

– Расскажите о своих родителях. Судя по вашему отчеству, папа был немцем?

– И папа, и мама – этнические немцы. Оба жили в Поволжье, в Саратовской области. Отец детдомовский, а мама выросла в большой семье: у её родителей было пятеро детей. С началом Великой Отечественной войны, опасаясь, что российские немцы перейдут на сторону гитлеровцев, их стали ссылать в трудовую армию. В итоге мамин семья оказалась разбросана по всей стране, а сама она попала в Соликамск. Там они и познакомились с моим будущим отцом. Он работал бухгалтером; она обстирывала трудармейцев, потому трудилась поваром. По сути, люди находились там в заключении: жили в охраняемой зоне, их не выпускали за территорию.

– Вы родились в Соликамске?

– Нет, моя малая родина – участок Иньва Ильинского района, куда родителей выслали позже. А когда после пуска КамГЭС этот район затопило, мы все перебрались в Майкор. Кстати, мама с папой смогли зарегистрировать свой брак только в 1954-м году, хотя к тому времени у них родилось уже трое детей – мои старшие сёстры и брат. Регистрироваться раньше им, как ссыльным, не разрешалось. Более того, в

трудоустройстве они лишились и собственных немецких имён: папа стал Иваном Ивановичем, мама – Марией Ивановной. Как-то к 8 Марта, когда я училась в школе, нам поручили собрать воспоминания мам об их юности. Моя мама расплакалась – и всё. Нас в семье вообще оберегали от таких рассказов. Нельзя же было распространяться об этом.

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

– Тема репрессий нередко замалчивается и сегодня. А ведь это тоже история нашей страны. И молодёжь должна её знать.

– Согласно. Общаясь в «Мемориале» с волонтерами, мы стараемся говорить с ними на эту тему, делимся пережитым. Но главное – делимся этим с молодыми дома. У меня внучке 18 лет, учится в педуниверситете, будущий филолог. Приезжаем с мужем из музея «Пермь-36», с Двенадцатого километра под Екатеринбург или с того же «Возвращения имён», рассказываем об увиденном и прочувствованном – Даша всегда слушает очень внимательно, впитывает. Ей это интересно. Да и дочь всеми мемориальскими новостями непременно делится со своими учениками: она преподаёт в Суворовском училище.

– Последние новости, увы, неутешительны...

– Да, пока шли суды, внучка постоянно спрашивала меня: «Бабуля, ну что, как ваши дела? Вас не закроют?» В филиале у нас также бесконечная тревога по этому поводу. Мы все переживаем за судьбу нашей организации. Одна из моих помощниц рассказывала на Совете, что, прочитав декабрьский «Вестник», многие репрессированные звонили ей и спрашивали: «А что дальше?» И, конечно, никто из нас не понимает, как в принципе можно ликвидировать «Мемориал», занимающийся реабилитацией жертв политических репрессий.

Такая же тревожность была во время «гальяшорской» истории. Ситуацию с якобы незаконной рубкой леса мы тоже обсуждали на Совете, переживали за главного фигуранта этого дела Леонида Ладанова. Некоторые даже предлагали скинуться, чтобы помочь ему выплатить штраф. Слава богу, справедливость победила.

Вера ШУБАЕВА

Фото автора

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Весёлая и ответственная

В декабре 2021-го года не стало Полины Андреевны Карповой, заместителя председателя Краснокамского филиала. Удивительная женщина, профессионал, надёжный товарищ... В июле 2021 года ей исполнилось 80 лет. В Краснокамске её знал, пожалуй, каждый житель. Ведь она была проективщиком самых значимых городских сооружений: школы, детские сады, больницы, православный храм...

С момента образования Краснокамской общественной организации «Мемориал», она была в центре всех его мероприятий, событий, акций, умела объединить вокруг себя людей и всегда помогала тем, кто нуждался в её помощи. Принципиальная, справедливая, ответственная, не знающая компромиссов. Весёлая, с прекрасным чувством юмора, оптимист во всём. Она учила любить жизнь, невзирая на обстоятельства!

Мы навсегда сохраним память о Полине Андреевне.

Правление Пермского «Мемориала»

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ ЯНВАРЯ

Правление Пермского «Мемориала» от души поздравляет юбиляров – мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты

В январе 90 лет исполняется **Ирине Юрьевне Черносмутовой** из Свердловского района Перми и **Лидии Прокопьевне Бахтиной** из Кировского района.

85-летие справляют **Маргарита Петровна Постановова** и **Матрёна Николаевна Житникова** из Свердловского района краевого центра, а также трое мемориальцев из Мото-

вилихи: **Евгения Ивановна Баранова**, **Николай Сергеевич Мурин** и **Василий Васильевич Качин**.

80-летний юбилей празднуют **Галина Петровна Самоделко** и **Валентина Георгиевна Попова** из Дзержинского района краевого центра, **Лилия Петровна Гусева** из Индустриального района и **Анастасия Васильевна Гуляева**

из Орджоникидзевского района. 75 лет исполняется **Сергею Васильевичу Пономарёву** из Мотовилихинского района Перми.

70-летие отмечает **Нина Александровна Ложкина** из Кировского района.

А **Людмиле Степановне Моковой**, она также из Кировского района, в январе исполняется 92 года.

Живите долго и будьте счастливы!

Пермское краевое отделение общества «Мемориал»
+7 (342) 282-54-42, 281-95-59

Информационный бюллетень Пермского краевого отделения общества «Мемориал»

Редактор Татьяна Черепанова. Редакционная коллегия: Наталья Куликова, Дмитрий Окунцев, Роберт Латыпов. Тел. (342) 282-54-42.

Тираж 999 экз. Отпечатано в типографии «Типограф», Россия, 618540, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17. Подписано в печать 20.21.2022 Заказ №64

Все выпуски «Вестника «Мемориала» можно прочитать на сайте Пермского «Мемориала» <http://pmem.ru>

Пермский «Мемориал» НЕ ВКЛЮЧЕН в реестр общественных организаций – «иностранных агентов». Однако поскольку наша организация входит в структуру Международного Мемориала, который включён в данный реестр, то мы в соответствии с новыми требованиями российского законодательства вынуждены маркировать нашу продукцию текстом следующего содержания: «Материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены учредителем, членом, участником, руководителем некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, или лицом, входящим в состав органа такой некоммерческой организации». Отметим также, что Международный Мемориал не согласен с этим решением Минюста РФ, и оно оспаривается в суде.